

ГУЖЕВЫЕ ЛЮДИ

Работа в Польше и наезжая время от времени ненадолго в Москву, я старался, при множестве дел, повидаться с друзьями, хотя бы накоротке.

Время было тревожное, начало 80-х, «Солидарность», военное положение — друзья хотели узнать о происходящем в Польше от человека, которому доверяют и который видел все своими глазами. Встретившись с Борей Поюровским, я начал с того, что Герек отстранен от власти, и тут Боря меня прервал: «Герек? Смотри, пожалуйста... А я вчера в Малом театре был. Совершенно напрасно считают, что он такой уж консервативный».

Неинтересно ему было про первого секретаря ЦК ПОРП, имя которого было в то время, кажется, у всех на устах. Про Малый театр — куда интереснее, и это был его выбор и его право.

Борис Поюровский владел профессией театрального критика и не претендовал ни на что другое, чувствуя себя вне ее дисконформно. Любил повторять: «Меня нельзя снять с должности, потому что меня забыли назначить». Статус специалиста своего дела соблюдал неукоснительно, не позволяя себе разбавлять его чем бы то ни было и, наверное, здесь одна из причин того, что в околотеатральных баталиях, столкновениях кланов и партий умел оставаться — ни при ком. Сам по себе. Садясь за письменный стол, имел в виду спектакль и только спектакль, а все, что вокруг и около — мимо. За это его уважали, его мнение ценили люди самых разных умонастроений и взглядов, которых объединяло только одно: неперемненное соблюдение душевных приличий.

От тех, кто этого качества лишен, Боре время от времени доставалось. И сильно. Так что жизнь его не была безоблачной. Но умение писать, не подстраиваясь к чему бы то ни было, всегда оставалось при нем.

Почитайте сегодня газеты. В театральных текстах нередко отсутствуют элементарные навыки владения пером. Рецензенты не могут внятно изложить мысль, выручает разве что отсутствие мысли: излагать нечего. Зато

ясно видно, откуда ноги растут, какая стоит за беспомощным текстом группа влияния.

И еще — повторял с настойчивостью: «Я — ученик Юзовского». С особой настойчивостью тогда, когда за выдающимся критиком Иосифом Ильичем Юзовским тянулся шлейф обвинений в антипатриотизме и космополитизме.

Очень не хватает сегодня надежных профессионалов с четкими нравственными ориентирами. И не только в театральной критике.

***

Да, так о Польше. Начало 80-х, профсоюз «Солидарность».

Мой друг, редактор польского журнала «Театр» Ежи Соколовский сказал тогда: «Мы с тобой друзья, и останемся друзьями, даже если случится самое страшное, если ваши танки войдут в Варшаву».

А танков боялись все, в том числе наши соотечественники, работавшие в Польше, прикидывали, какое время потребуется советским войскам, чтобы дойти от границы до Варшавы и что за это время с нашими в Варшаве может произойти. Сопротивлялись бы поляки всерьез.

Но это так, реплика в сторону.

Тогда-то и стали присылать журналистов-тяжеловесов из Москвы, которые, будучи вооружены твердыми указаниями, за три-четыре дня должны были разобраться в ситуации лучше, чем постоянные собкоры центральных газет, телевидения: они уже притерпелись, втянулись.

Один из таких тяжеловесов по-товарищески меня попросил: что скажут в Посольстве, в ЦК ПОРП, я и так знаю, познакомь меня с кем-нибудь из обычных, нормальных людей, чтобы я лучше понял, что происходит на самом деле. Я и познакомил его с Соколовским и присутствовал при их беседе. Ежи сказал следующее (времени прошло много, за словность не ручаюсь, — ручаюсь за смысл): «Нельзя, чтобы политическая ситуация зеркально отражалась в творческой, театральной. Свобода от цензуры, от партийных ука-

заний — да, разумеется, но в театре должен быть лидер, безусловный художественный авторитет, диктатор, если хотите. Как только творческие проблемы начинают решаться на профсоюзном собрании — театр перестает существовать».

Тяжеловес очень меня благодарил, а в его номере, в гостинице нашего торгпредства, многозначительно указав пальцем на потолок и на стены, поднял рюмку и заявил: «Предлагаю выпить за Польскую объединенную рабочую партию, за то, чтобы польские коммунисты уверенно шли по социалистическому пути и успешно отбили атаки ревизионистов и провокаторов из «Солидарности».

Я несколько удивился, однако не сильно: береженого бог бережет.

Через несколько дней тяжеловес уехал, а еще через несколько дней в большой газете появилась его статья, написанная в духе вышеприведенного тоста, одним из героев которой был Соколовский, осудивший профсоюз «Солидарности» и решительно поддержавший ЦК ПОРП.

До сих пор слышу голос Соколовского: «Костя, что же это? Я ведь ничего подобного не говорил». У Ежи в голове не укладывалось, как может журналист, советский, западный, все равно, если он уважает себя и свою страну, как он может так внаглую, так бессовестно врать.

Что я мог ответить? Я ответил, что мне стыдно за непорядочность соотечественника, но кто же знал, что он непорядочный. Хотя, моя вина: должен был предположить, догадаться. Ежи тяжело вздохнул и сказал, что все понимает, и зла на меня не держит.

А еще мне было стыдно за тех политиков, которые, определяя облик и репутацию моей страны, позволяли себе пользоваться услугами людей непристойных. К тому же в ситуациях, действительно переломных, решающих. Горько, что пристойные оказываются в дефиците именно там, где они, казалось бы, всего нужнее. А то, что подобное случается и на Западе, утешает мало.

Это я Соколовскому тогда не сказал, да и тяжеловесу тоже.

Ну так скажу хоть сейчас. По-моему, есть смысл.

***

Имя режиссера Ильи Ольшвангера не могу найти в театральных словарях и энциклопедиях.

Зато перед глазами — лицо Ивана Петровича из давнего спектакля Ленинградского Театра имени Ленинского комсомола «Униженные и оскорбленные», лицо человека, на котором запечатлелась беда, не с ним случившаяся, но так запечатлелась, что больно было смотреть. Ивана Петровича играл Олег Окулевич, мощный артист, тоже, кстати, энциклопедиями не избалованный. Режиссером спектакля в афише значился Илья Ольшвангер, художественным руководителем постановки — Георгий Товстоногов (дело было еще до БДТ). Знаю, что вклад Ильи в этот спектакль был не меньше, чем вклад Георгия Александровича.

А еще вижу — Николая Симонова-Клааса в спектакле Ольшвангера «Легенда о Тиле Уленшпигеле» (Александринка, в ту пору еще Академический театр имени А.С. Пушкина).

И слышу, как бросает он в зал стихи Евтушенко, специально для спектакля написанные:

*То продают, то покупают нас,
Как будто миф — огромный, грязный рынок.
А если кто-то душу не продаст,
На каждого находится свой Рыбник.*

А времена стояли жестко цензурные.

Вижу, слышу — и не могу забыть. А еще — Иннокентия Смоктуновского — Ленина в фильме Ольшвангера «На одной планете». Ленина, который не руководил, точно зная как надо, не рубил решительно воздух руками, а взвешивал, сомневался, думал. Фильм вышел в 1965 году и идеально соответствовал наивным представлениям «шестидесятников» о вожде революции. Это было талантливо и честно, а до исторической правды стали добираться уже потом.

Товстоногов, Симонов, Смоктуновский работали с Ольшвангером не горяча, не по случаю, и результаты работы были адекватны их именам.

Илья Ольшвангер в своей профессии умел многое, а вот подавать, преподнести себя решительно не умел.

Нужно, пора что-то сделать, чтобы этот режиссер занял в истории отечественного театра достойное его место.

***

Дина Шварц, Ляля Котова, Нонна Скелгина, Витя Дубровский, здравствующая, слава Богу, Тамара Браславская... Нельзя, чтобы эти имена затерялись в тени великих Георгия Товстоногова, Олега Ефремова, Андрея Гончарова, Анатолия Эфроса. Была такая должность, профессия, призвание — заведующие литературной частью. Завлиты. В их обязанности входило — прежде всего — отыскивать пьесы и рекомендовать их художественным руководителям. Они перелопачивали горы литературы, а то и макулатуры, извлекая жемчужные зерна настоящей драматургии, и мастера к их рекомендациям чутко прислушивались. Володин, Радзинский, Дворецкий, Гельман, Рустам Ибрагимбеков, Теннесси Уильямс, Фигейредо... Громкие спектакли 60–70-х годов по пьесам этих писателей — в немалой степени заслуга завлитов. А за спектакли «Прошлым летом в Чулимске» и «Утиная охота» Александра Вампилова, в свое время определившие лицо Театра имени Ермоловой, надо сказать спасибо не только постановщику Владимиру Андрееву, но и завлиту Елене Леонидовне Якушкиной, к которой Вампилов, еще будучи непризнанным и неразрешенным, приходил в Москве как в свой дом.

Сегодня я не так уж часто хожу в театр и могу, конечно, быть не в курсе, однако о возникновении подобных творческих, дружеских связей что-то не слышно. Да и профессия завлита как ближайшего помощника и советчика художественного руководителя, кажется, помаленьку сходит на нет. Есть пресс-секретари, менеджеры по связям с общественностью.

Это что-то другое. Адекватное нынешним обстоятельствам, но не душевной структуре русского театра. Попробуйте

назвать менеджером Павла Александровича Маркова. Язык не поворачивается.

***

Я — гужевой человек.

Тащу перегруженный век.

Сдюжу, пока живой.

Я — человек гужевой.

Эти стихи поэта Вадима Сикорского, голубоглазого гиганта ростом под два метра. Когда смотрел на него, говорил с ним — возникало исходящее от него ощущение огромной физической силы и почти детской наивности. Проявлений физической силы наблюдать не случалось, что же касается наивности... Вспоминая, додумываешься с годами: нет, не наивность, тут что-то другое.

Ну да, если заходили разговоры о политике, с трудом, путая фамилии, должности называл двух-трех руководителей страны, вообще же от таких разговоров уклонялся. Не потому что опасался чего-то, просто ему это было глубоко неинтересно. Он и о писательских заморочках, о том, кто левый, кто правый, рассуждать избегал, проявляя искреннюю неосведомленность.

Если это и наивность, то завидная, по моему разумению.

А скорее Вадим Витальевич просит жил в своем поэтическом мире, где единственно значимы были критерии художественные, нравственные, а все, что выходило за их пределы, для него не существовало. Наверное, такая отрешенность ограничивала его жизненные горизонты, мешала что-то понять и увидеть. И в то же время — сберегала душу от суеты, конъюнктуры, сиюминутности, которые, если жить «полной жизнью», почти неизбежно туда проникали. И, думаю, при всех ограниченностях и помехах, «отрешенный» Вадим имел органическое право сказать: «Я — гужевой человек». Хотя бы потому, что именно на таких вот гужевых людей, как он, — если совсем припечет, — обрушивался век всей своей непомерной тяжестью. Так,

по крайней мере, было до сих пор. И сюжизивали. Пока живые.

***

Ну, тфогай, Саврасушка! Тфогай!

Натягивай крепче гужи!

Н.А. Некрасов «Мороз, Красный нос».

Куда уж крепче натягивать...

***

Или можно до бесконечности? Тут недавно по каналу НТВ прозвучала интересная мысль: Ольга Бузова расколола страну на части — ее, Бузовой, сторонников и ее противников. Как примерно при распаде СССР. Можно ли поставить обществу диагноз более суровый и безнадежный? Так, мимоходом, через хиханьки-хаханьки.

Сама звезда эстрады, которой был посвящен телевизионный сюжет, против та-

кой трактовки своего исторического значения не возражала, но с нее-то что взять?

Боюсь, с нашего безбашенного тележидика при Останкинской башне взять тоже нечего.

Надо гужевым людям самим управляться. Не надорвались бы.

***

Наверное, каждому, кому судьба определила долгий жизненный срок, не легко быть невольным свидетелем стремительности, с какой уходит его поколение. Так было всегда, из века в век, все очевидно, понятно — дело не хитрое. Вот только понять очевидность со стороны — это одно, а почувствовать, как она поселяется в тебе, начинает пронизывать твое существование — это другое. Совсем другое.

Константин ЩЕРБАКОВ

ЮБИЛЕЙ

ПОЛЕТ С «ЖАР-ПТИЦЕЙ». ВЫСОТА — 50!

24 декабря 2018 года у ведущей актрисы Московского театра кукол «Жар-птица» **Татьяны ЛОПАТИНОЙ** юбилей — **50 лет**.

Пятидесятилетие вызывает споры: одни считают это наступлением зрелости, другие профессионально активным возрастом, когда подвластно все.

Кто не мечтал в детстве стать актером, быть известным и узнаваемым? Но как становятся актерами театра кукол, ведь их лица чаще всего спрятаны от зрителей и надеяться на популярность не приходится? Ответ простой — в этом театре работают настоящие энтузиасты сцены, не задумывающиеся о славе, отдающие все себя любимому делу. Такова и Татьяна Лопатина.

Росла в театральной семье — мама актриса Крымского академического русского драматического театра имени Максима

Горького, папа там же заведовал звукоцехом. И уже с семи лет наша героиня ходила на профессиональную сцену... Казалось бы, будущее предопределено! Но, как иногда бывает, Татьяна не стремилась пойти по стопам родителей и после школы поступила в Крымский университет на факультет иностранных языков. Одно время работала экскурсоводом.

Но наследственность взяла свое, и Татьяна в какой-то момент оказалась в народном театре, а потом и вовсе поступила в ЛГИТМиК, по окончании которого стала актрисой в ленинградском театре «Опера кукол».

В 97-м году Татьяна переехала в Москву и по рекомендации СТД поступила в театр кукол «Жар-птица», который стал для нее главным театральным домом. Она — прекрасный друг, товарищ, наставник для мо-